

Зоя Копельман

«Рассказывает мало, а скрывает много»¹:
фиксация истории в художественной прозе Ш.Й. Агнона

«Сделаю себе помету, чтобы не забыть...»

Ш.Й. Агنون. Помета, 1953

Понятие исторической памяти, как правило, применимо к беллетристике с большими оговорками. Однако израильский прозаик Шмуэль Йосеф Агنون представляет собою особый случай. История, как та, что на его памяти, так и более отдаленная, буквально пронизывает три его романа, большинство повестей и рассказы. Еще Первая мировая война, положившая конец взрастившей и сформировавшей писателя эпохе, побудила его бережно относиться к уходящему в небытие прошлому, а Холокост довершил дело: Агنون понял, что целая цивилизация может быть стерта с земли и из памяти, и с тех пор, похоже, возложил на писателя задачу летописца. Об этом он недвусмысленно сказал в рассказе «Навсегда»: «До чего ж велики деяния пишущих, если даже когда меч занесен над их головой, они не оставляют работы своей и собственной кровью записывают в повести своей души все, что видели своими глазами»².

Герой рассказа, университетский историк, посвятил жизнь реконструкции хроники «одного города, который исчез и не существует больше в мире», вымышленного автором города Гумледита. Позднее, составляя собрание своих сочинений в восьми томах, Агنون поместил цитированный рассказ последним, словно указывая, что тема исторической науки и служение ей, главная тема рассказа «Навсегда», является важнейшим аспектом всего корпуса его художественных произведений.

Впервые роль художественного слова в фиксации еврейской истории была описана Агноном в кратком очерке «Помета», опубликованном в литературном журнале «Мознаим» в мае 1944 года. Агنون поведал о мистическом эпизоде, приключившемся с ним во время ночного бдения в праздник Шавуот [8 июня 1943], когда, согласно принятой в Бучаче традиции, он сидел в одиночестве и читал пиюты Шломо ибн Габироля. Тут Агнону явился этот средневековый поэт, и между ними состоялся диалог.

Я сказал ему: «Здесь [в Стране Израиля] не принято читать пиюты». <...> Он спросил: «А где читают пиюты?». Я вспомнил свой город, его леса и воды, и нашу большую синагогу, и старый молитвенник, лежащий на аналое, которым мы гордились, потому что в нем приведены все пиюты, которые сложили наши великие поэты, да почуют они с миром. И еще вспомнил старого кантора, да

¹ Ш.Й. Агنون. Tmol Shilshom (Совсем недавно. В рус. пер. «Вчера-позавчера»), с. 46 (*uvrit*). Если ссылка дана на оригинал, перевод мой.

² Ad Olam («Навсегда») // **Ha-Aretz**, 16.04.1954, также в: Соб. соч. в 8 тт., т. 8: Ha-Esh ve-ha-Etsim («Огонь и дрова»), 332-333. Русский пер. в кн.: Ш.Й. Агنون. Под знаком рыб. Пер. Р. Нудельмана и А. Фурман. М.: Текст (Книжники), 2014, 315-347.

осветит Всевышний Своим светом место его пребывания в Раю, который был сведущим в пиятах и говорил их по памяти, поскольку страницы молитвенника были обильно смочены слезами, и очертания букв в нем невняты. Я ответил: «Есть места, где в обычае читать пияты, и таков обычай моего города».

Он спросил меня: «А как зовется твой город?» Я ответил шепотом: «Бучачем зовется мой город», и из глаз моих полились слезы из-за бед, постигших мой город, ведь я не знаю, существует ли он еще. <...> Сказал рабби Шломо: «Сделаю себе помету, чтобы не забыть название твоего города».³

Далее Агнон пишет, что поэт сложил рифмованное метрическое семистишие – по числу букв в слове Бучач, как оно пишется на иврите, – и скрепил его акростихом с этим словом. Первая строка была: «Благословен в городах Бучач град».

В версии 1953 года, которая вошла в собрание сочинений, маленький очерк разросся в солидный рассказ, где с первых строк сказано, что в канун Шавуота к автору пришла весть о тотальном истреблении евреев Бучача. И теперь стихотворение Шломо ибн Габироля сохраняло память об исчезнувших евреях и своеобразии их уклада. Большое место в этой версии уделено воспоминаниям автора о том, как праздновали Шавуот в Бучаче, когда он был там ребенком. И надо сказать, что описания обычаев еврейской традиции, часто с указанием их места и времени, можно найти в большинстве произведений Агнона.

Агнон (1888-1970) многое успел повидать, но запечатлел в творчестве также события, которым посвятил исторические разыскания, и его проза охватывает временной период с 1775 по 1950-е годы. Две главные территории занимали писателя: Восточная Галиция и Страна Израиля, хотя есть у него также сюжеты, действие которых разворачивается в Германии и Вене. В Стране Израиля Агнон жил под властью турок в 1909–1913 годах и под властью англичан, начиная с 1924 года, когда вернулся из Германии в Палестину, и в суверенном Израиле. Молодость его прошла в Бучаче, где он родился и который посетил еще раз летом 1930 года. Облик родного города, пострадавшего от Первой мировой войны, и изменения, что произошли в нем за истекшие двадцать лет, побудили Агнона написать историю Бучача, над которой он работал всю жизнь и которой я не буду касаться, поскольку она не может считаться беллетристикой. Эта книга, «Город и все, что в нем» (Ig u-mlo'a; 1973), была издана уже после смерти автора, и в ней последняя версия рассказа «Помета» завершает увесистый том в 745 страниц, как манифест исторической памяти, важность которой признают не только в земном мире, но и на небесах.

Историческая точность художественной прозы Агнона не сразу сделалась значимой для писателя, как видно из следующего признания: «Все свои ошибки и уязвимые места я и сам знаю. Рабби из Апты умер до того, как хасид реб Юдл пустился в путь. Цадик также не мог дать ему рекомендательное письмо в том виде, как оно напечатано в книге. Это язык *маскилим* [адептов еврейского Просвещения], а раввины писали совсем иным стилем» (Cna'ani 1971, с. 34). Эти

³ Moznaim, т. 18, 1944. С. 104.

слова Агнона, взятые из книги Д. Кнаани «Устный Агنون», относятся к первому роману писателя «Сретенье невесты» («Nakhnasat Kala», 1931), где вымышленный герой хасид реб Юдл получает охранную грамоту от реального цадика, р. Авраама Иегошуа Гешеля из Апты, умершего в 1825 году. Д. Кнаани общался в Агноном в последнее десятилетие жизни писателя, и приведенные слова свидетельствуют, сколь серьезно он стал относиться к исторической точности своих произведений в зрелые годы.

Исторические события и лица присутствуют почти во всех художественных произведениях писателя. Я предлагаю различать четыре исторические аспекта агноновской прозы: персоналии, реалии, в том числе еврейские обычаи, топографию и языковой аспект. Предметом данной статьи является агноновский метод фиксации истории в прозе. Можно сказать, что исторические факты из жизни евреев в Европе и Стране Израиля вписаны в прозу Агнона подобно акростиху в пиюте: они неотъемлемы от текста, но разъединены и требуют особого способа чтения. Ниже я приведу несколько характерных примеров подобной интеграции исторических имен и реалий в ткани художественного нарратива и своей реконструкции стоящих за краткими «пометами» фактов.

1. Персоналии

В годы Второй мировой войны Агنون работал над романом «Tmol shilshom» (1945, в русском переводе «Вчера-позавчера», 2010), подробно описывая период «второй алии» (1908–1914), участником которой был совсем недавно. В романе, наряду с вымышленными персонажами, появляются, действуют и разговаривают реально существовавшие люди, о которых мы можем узнать из исторических источников – документов, газет и свидетельств очевидцев, в том числе самого писателя. И тут же явственно прозвучала тема памяти, вернее, беспамятства, характерного для увлеченных будущим сионистских колонистов:

Спросил Ицхак Хемдата: «Кто он, реб Зерах этот?» Сказал он ему: «Так ведь он — рабби Зерах Барнет, из тех, кто строил Меа-Шеарим в Иерусалиме, и Петах-Тикву, и Яффу!...» <...>

Сказал Малков: «Неблагодарное поколение! Не знает оно тех, кто строил для них! Ведь если бы не реб Зерах и ему подобные, не было бы у вас даже места для ночлега».⁴

Действительно, Зерах Барнет (1843–1936) – реальное лицо. Этот религиозный еврей из Англии был предпринимателем и вложил огромные деньги в развитие Страны Израиля ради заселения ее евреями. Он оставил книгу воспоминаний, историческое свидетельство о том времени,⁵ и Агنون в романе не только упомянул его, но и рассказал о некоторых его делах.

⁴ Ш.И. Агنون. Вчера-позавчера. Пер. с иврита Тамар Белицки. М.: Текст, 2010. С. 526, 527 (далее: «Вчера...»).

⁵ Zikhronot r. Zerach Barnet (Воспоминания рабби Зераха Барнета). Иерусалим, 1928.

Примечательно, что и Малков списан с натуры: Агнон вспомнил его в статье, посвященной 40-летию со дня смерти писателя Йосефа Хаима Бреннера (1881–1921), с которым сблизился в бытность свою в Яффе и который тоже фигурирует в романе. Думаю, уместно привести «автокомментарий» Агнона к одному из побочных персонажей романа:

Бреннер встретил в Стране Израиля нескольких своих друзей и знакомцев, из тех, кого знал со времени учебы в Почепе, в ешиве у р. Гешеля Нета Гнесина, благословенна память о нем, отце [писателя] Ури Нисана Гнесина. Я назову двух из них, р. Якова Малкова и Крутлякова, с которыми Бреннер проводил больше времени, чем с другими. Р. Яков Малков был из тех ревнителей веры в Яффе, кто не придавал значения новому ишуву и его свершениям. Он даже нашего учителя, великого Гаона, рава Авраама Ицхака га-Коѓена Кука, да благословится память праведника, сурово критиковал в иерусалимской газете «Хавацелет». Средства к существованию Малков нашел благодаря новому ишуву, поскольку у него питались труженики, те самые, что возводили новый ишув. А в конце жизни, когда все друзья покинули его, а у него ни кола, ни двора, ни гроша в кармане, он нашел помощь у рава Кука, да благословится память праведника. Болезная жена Малкова от зари и за полночь проводила в ветхой комнатухе за стряпней, варила, тушила и пекла на двух строптивых шумных примусах, которые в час наплыва посетителей объявляли забастовку. <...> А р. Яков тем временем бегал от одного посетителя к другому, дабы накормить его словами Бога Живого, которые услышал от своего раввина.⁶

Поскольку список реальных жителей нового и старого ишуву, названных в «Tmol shilshom» по имени и наделенных опознаваемыми биографическими деталями, соперничает с перечнем вымышленных персонажей романа, комментарий к книге насущно необходим. Без специальных разысканий читателю зачастую невозможно определить, идет ли речь об историческом лице или о литературном образе. К сожалению, комментарий, притом подробнейший, написан пока лишь к роману «Nakhnasat kala» («Сретенье невесты»).

В «Tmol shilshom» герой Ицхак Кумер мечется между новым и старым ишувом, подобно Агнону, чей первый период пребывания в Стране Израиля (1909–1913) проходил как среди сионистов, мастеровых Яффы и тружеников сельскохозяйственных поселений, так и среди ортодоксальных евреев Старого Иерусалима и района вне крепостных стен – Меа Шеарим. И к тем, и к другим Агнон питал симпатию, однако ни один лагерь не устраивал его целиком. Поэтому особенно ценно, что в романе, который вышел в Иерусалиме в 1945 году, когда религиозные еврейские общины Европы были стерты с лица земли, писатель отдал дань уважения лидерам ультра-ортодоксов, помянув их пусть бегло, но так, чтобы по названным приметам мы смогли идентифицировать исторические лица. Назову лишь единицы из длиннейшего списка имен.

⁶ Ш.Й. Агнон. Y.N. Brenner be-hayav u-ve-moto (Й.Х. Бреннер в жизни и смерти). **Molad**, v. 19, № 156, 1961. Цит. по: Ш.Й. Агнон. Mi-'atsmi el 'atsmi (О себе и о других), 2000, с. 118-119.

Помещая Ицхака в поезд, в течение долгих часов везущий героя из Яффы в Иерусалим, Агнон рассказывает о беседах между пассажирами:

...начали другие расхваливать Иерусалим и рабби Шмуэля, который умеет мудро руководить своей общиной и знает, что на сердце каждого иерусалимского жителя. И насколько знает? Судите сами. Был случай, пришли к рабби Шмуэлю и сказали, что на дороге, ведущей в Йерихон, лежит мертвый еврей и уже начал разлагаться, и в теле его завелись черви. Велел рабби Шмуэль, чтобы поскорее перенесли его в город и похоронили по еврейскому обычаю, пока дело не стало известно властям, ибо в тот год опасались чумы. А случилось это в пятницу, и покуда его принесли, зашло солнце, и хоронили его в темноте. Ночью призвал рабби Шмуэль рабби Хаима и все ему рассказал. Спросил рабби Шмуэль у рабби Хаима: «Как я должен был поступить?» Ответил ему рабби Хаим: «Вы верно распорядились, рабби Шмуэль». А по утру община венгерских евреев всполошилась, и стали кричать, что, мол, рабби Шмуэль осквернил Субботу. <...> В тот час рабби Хаима не было в бейт мидраше. Когда пришел, рассказали ему. Сказал рабби Хаим: «Верно поступил рабби Шмуэль». И немедленно стихли все споры. Вот и видим, что рабби Шмуэль – большой мудрости человек, потому что знал, что венгерцы станут оспаривать его поступок, а своему раввину перечить не станут. Опередил их и призвал к себе рабби Хаима. (Тmol, 482-483; «Вчера...», 672 и след.)

Упомянутые в этом анекдоте мудрецы опознаваемы. Рабби Шмуэль – это р. Шмуэль Салант (1816, близ Белостока Гродненской губернии, ныне Польша, – 1909, Иерусалим), талмудист и общественный деятель в Стране Израиля, куда приехал в 1840 году. Р. Салант проявил выдающийся организаторский талант и приложил значительные усилия по преодолению неприязни и розни между ашкеназами и сефардами, а также между старым и новым ищувом. Его деятельная долгая жизнь зафиксирована в разных источниках, о нем буквально слагали легенды, и Агнон, не приводя других историй, пишет лишь, что попутчики наперебой рассказывали и рассказывали о р. Шмуэле и его редкостной мудрости и праведности. А чтобы можно было с уверенностью утверждать, что это именно р. Шмуэль Салант, Агнон сообщает, что его р. Шмуэль имел обыкновение прогуливаться возле синагоги Хурва и с годами утратил зрение. Эти детали неоспоримо доказывают историку, что речь идет именно об этом религиозном лидере.

А рабби Хаим – это р. [Йосеф] Хаим Зонненфельд (1849, Врбау, Словакия, – 1932, Иерусалим). Он поселился в Иерусалиме в 1873 году и стал главой ашкеназских общин, в том числе выходцев из Венгрии (эту примету использовал Агнон), занимал должность раввина и был одним из основателей иерусалимских районов Меа Шеарим, Батей Унгарин, Бейт Исраэль. После смерти р. Шмуэля Саланта р. Хаим Зонненфельд стал главным ашкеназским раввином Иерусалима.

Далее пассажиры вспоминают «покойного рабби из Бриска» (Тmol shilshom, 484) и снова, перебивая один другого, рассказывают о нем, но что именно, Агнон не сообщает. И все же одна подробность из жизни рабби позволяет

точно определить, о ком речь: Агнон называет по имени вторую жена рабби и добавляет, что эта Соня еще до того, как рабби овдовел, развелась со своим первым мужем. Все приметы указывают на рабби Моше Иегшоуа Иегуду Лейба Дискина (1817–1898), который в Европе служил раввином в разных городах, в том числе Бресте (по-еврейски, Бриск). В 1877 г. он поселился в Иерусалиме и стал активным общественным деятелем, яростно боролся с инакомыслием, поощрял переселение религиозных евреев в Страну Израиля, способствовал созданию Петах-Тиквы, первого еврейского с/х поселения, открыл в Иерусалиме сиротский дом (1880) и ешиву. А вторая супруга р. Дискина, Сара Соня, прозванная *ребецен из Бриска*, была дама решительная и властная, и поговаривали, что именно она направляет мужа в общественных делах.

Уже этих трех примеров достаточно, чтобы заключить: исторические лица обозначены в агноновской прозе более чем лаконично, но всегда даны приметы, необходимые для их распознавания. (На иврите и «помета», и «примета» обозначаются словом «siman», как называется и цитированный выше рассказ о Шавуоте.) Присутствие исторических сведений в прозе Агнона можно сравнить с айсбергом: в тексте, как над водой, видна лишь верхушка глыбы, тогда как девять десятых информации следует искать в других источниках. Как сказал Агнон: «Если бы я писал исторический роман, я бы не вывел центральной фигурой великого человека. Р. Йоханана бен Заккая я дал бы легчайшим намеком. Я всегда выбираю героями простых людей, и в историческом романе поступил бы так же». (D. Can'ani, 1971, 40.)

Приведу еще пример сверх беглого упоминания исторической личности в «Tmol shilshom». Беседуя с героем, Ицхаком Кумером, директор детского сада в Неве-Шалом г-жа Пуа Гофенштейн (полагаю, тоже вымышленный персонаж) рассказала о том, как ее угощали в доме одного эфенди (напомню, что действие романа происходит в границах Османской империи): «И самовар у него есть... настоящий русский самовар. Этот самовар ему дал г-н Айзенберг из Реховота» (Tmol shilshom, 147). Больше об этом Айзенберге в романе ни слова, и неясно, был ли такой человек на самом деле.

Однако в Реховоте есть улица Аарона Айзенберга, и о нем пишет Кандель:

Аарон Айзенберг из Пинска работал каменотесом и маляром; многие километры прошел он по стране, большей частью босиком, с сандалиями в руках, сберегая их для тех случаев, когда ему приходилось бывать «в обществе». Он собрал вокруг себя молодежь, и сводчатый погреб постоянного двора стал местом их встречи. Они достали деньги у переселенческих обществ, купили у Лерера дополнительные участки земли, и вскоре там поселились двенадцать новых семей. Это место назвали Вади Ханин, первым в нем родился Бен-Карми, сын Аарона Айзенберга (...Бен-Карми означает «сын моего виноградника»). (Ф. Кандель. Земля под ногами, Кн. 1, гл. 6, п. 4.)

Добавлю, что А. Айзенберг (1863–1931) был одним из первых палестинофилов, приехал в Страну Израиля с первой алией и был из основателей сельскохозяйственного поселения Реховот и фонда Керен Каемет ле-Израэль. Сын раввина, он в юности прослыл исключительно способным и сведущим в религиозных книгах, однако женившись, вместе с женой Билхой уехал в 1886 г. в Палестину. По его инициативе группа товарищей начала скупать земли и закладывать на них сельские хозяйства, которые позднее объединились в Реховот. Айзенберг был активным общественным деятелем, вошел в историю нового ишува и удостоился быть упомянутым в романе Агнона. И таких имен в романе, как уже сказано, великое множество.

Агнон воспитывался на религиозных книгах, и всю жизнь тексты еврейской традиции составляли основной круг его чтения. Об этом свидетельствуют не только написанные им компендиумы: «Дни трепета» (Iamim nora'im, 1938) – об обычаях еврейского Новолетия и Судного дня, «Вы видели» (Atem re'item, 1959) – о даровании Торы на горе Синай, сборник рассказов о Бааль Шем Тове⁷, но и состав его личной библиотеки. Агнон был собирателем еврейских книг и составил том связанных с ними историй «Книга, писатель, рассказ» (Sefer, sofer ve-sipur, 1938; дополненная версия – 2000), частично отражающих историю читательской рецепции описываемых сочинений. Агнон несомненно видел свое творчество в ряду этих книг и рассчитывал, что его проза, подобно текстам традиции, тоже удостоится комментариев и таким образом побудит потомков к научной реконструкции и осмыслению прошлого.

Историческая насыщенность агноновской прозы требует от переводчика особой добросовестности в проникновении в текст. Ведь неточность, допущенная в отношении реального лица или детали, вдвойне непростительна. К сожалению, русский перевод романа «Вчера позавчера» не выдерживает никакой критики. Он просто нашпигован ошибками и искажением фактов. Вот пример, касающийся исторического лица. В переводе читаем:

...говорят другие о величии Любавичского ребе, о том, что он был Божьим человеком, святым, и лицо его было подобно лику ангела Бога Воинств, и он не забывал ничего из того, что учил. <...> Только самую малость его гениальности видим мы в его книге «Учение о милосердии», которую он издал, потому что чувствовал: силы его уходят, трудно ему учить учеников, и он написал свою книгу, чтобы та служила учебным пособием <...> Умер он в субботу, в тот час, когда весь Иерусалим стоял в синагогах и в бейт мидрашах в честь прихода субботы. Раздался вдруг страшный грохот, будто разверзлись небеса и земля треснула. И поняли все, что Любавичский ребе скончался. По окончании молитвы пошли к нему и не застали его в живых. («Вчера-позавчера», 676-677.)

Напомню, что Агнон ведет речь о раввинах в Иерусалиме, и возникает законный вопрос: как же так? Ведь ни один из Любавичских ребе в Иерусалиме не жил, не

⁷ См. на русск. яз.: Ш.И. Агнон. Рассказы о Бааль-Шем-Тове. Пер. С. Гойзмана. М.: Текст (Книжники), 2011.

умирал и не был похоронен. Оказывается, у Агнона сказано: «о величии рабби из Люблина» (Tmol shilshom, 485), а Любавичи даже не упомянуты. Агнон пишет о рабби Шнеуре Залмане Фрадкине (1830–1892), прозванном Гаоном из Люблина. Он родился в городке Ляды, освященном памятью основателя Хабада Альтер ребе, в честь которого и был назван. Невероятно одаренный юноша был ярчайшим учеником Любавического ребе Менахема Мендла, прозванного Цемах Цедек (1789–1866). Фрадкин служил раввином в Полоцке и Люблине, а после смерти учителя много сделал для того, чтобы сын покойного, Шмуэль Шнеерсон, стал лидером всего хабадного направления в хасидизме, которое в то время не было монолитным. Летом 1882 года р. Фрадкин переселился в Иерусалим и создал в городе раввинский суд для хасидских общин, отдельный от раввинского суда ашкеназов-митнагдим, возглавляемого, как легко догадаться, р. Шмуэлем Салантом. Рабби из Люблина умер 5 нисана 1892 года и был похоронен на участке Хабада на Масличной горе. Все, что рассказано о нем в романе, почерпнуто Агноном из книг. Примечательно, что Агнон подчеркнул недюжинную талмудическую ученость хасидского лидера, чтобы опровергнуть ходульное обвинение хасидов в невежестве. Для того, чтобы читатель не спутал этого праведника ни с кем другим, Агнон упомянул и его главный труд – книгу «Torat chesed», респонсы о законах еврейской жизни из разных трактатов кодекса «Shulchan aruch». Но переводчица романа на русский язык Тamar Белицки не удосужилась разузнать, о ком пишет Агнон, и предлагает нам ложь вместо подлинника.

Опознание исторических лиц в прозе Агнона помогает установить связи между прошлым и той эпохой, когда творил Агнон. На мой взгляд, Агнон желал исправить ущерб, причиненный воспитанию молодежи сионистской идеологией, которая отрицала двухтысячелетнюю цивилизацию Изгнания и признавала лишь ценность ивритского этноса, неотделимого от земли Эрец-Исраэль. Вот как об этом писал Д. Бен-Гурион в 1956 году, полемизируя с историком Йехезкиэлем Кауфманом:

Моя исходная посылка состоит в том, что народ Израиля, или народ ивритян, родился в Стране Израиля и рос в Стране Израиля еще до эпохи праотца Авраама как один из ханаанских народов. Он населял тогда вместе с другими племенами ее южную, центральную и северную области, а его духовный и, возможно, политический центр находился тогда в Шхеме. Я принимаю как неопровержимые факты Исход из Египта, существование Моше и Откровение на горе Синай. Это – главные и решающие события в истории нашего народа, следы которых различимы и ныне, но я считаю, что лишь немногие семьи, те, чья родословная уходит в глубочайшую древность, и те, что были особенно знатны, сошли в Египет. Ивритяне проживали среди ханаанских народов еще до Авраама, и их языком был иврит, как и языком других ханаанцев, а также моавитян и аммонитян, но они, ивритяне, отличались от всех своих соседей тем, что верили в Единого Бога, Высшего Бога, Создателя неба и земли (Kadmut ha-Ivrim).

Агнон же был убежден, что Изгнание сформировало еврейский народ, и нынешние сионисты – прямое продолжение их сидевших над святыми книгами предков. Не исключено, что рабби из Люблина упомянут в романе потому, что внук рабби, сын его дочери Ривки, был первым командиром Пальмаха, известным как Ицхак Саде (1890–1952), фигурой актуальной для 1945 года, когда роман «Tmol shilshom» увидел свет. Позже этот сионистский герой стал прототипом Давидова, персонажа романа Аарона Мегеда «За счет покойного» (Ha-chai al ha-met, 1965), прекрасно переведенного на русский язык Владимиром Глозманом.

2. Реалии

История предстает в романе «Tmol shilshom» не только в лицах, но и в реалиях, которые порой сложно распознать, тем более, что иврит не знает прописных букв, а Агнон сознательно отказался от кавычек. Приведу характерный пример. У Агнона сказано (перевод мой):

Поезд прибыл в Краков, град, где сыщешь любое. Есть тут подзорный дом, в котором наблюдают бег небесных звезд, и есть тут могила благословенной памяти р. Моше Иссерлеса и могилы прочих великих во Израиле. Здесь выходил «Ха-Маггид» и здесь выходит «Ха-Мицпэ». А во вратах города стоймя стоят две огромные кости некоего ужасающего животного, о коих пишет автор «Швилей олам»: «Глаз не видывал подобного им во всех краях вселенной».⁸

Фрагмент явно нуждается в комментарии. Агнон либо намеренно хочет запутать простодушного читателя, либо стремится потрафить знающему, когда поминает рядом обсерваторию – *beit ha-mitspe* (я перевела это как «подзорный дом» для сохранения стиля) и еженедельник на иврите «*Ha-Mitspe*», выходивший в Кракове в 1904-1915 и 1917-1921. В этом журнале религиозно-сионистского направления юный Агнон публиковал свои первые опыты на иврите, еще до знаменитого рассказа «Разлученные» (Agunot, Яффа, 1909), с которого началось признание писателя. В романе, откуда взят абзац, речь идет о 1908 годе, когда вдохновленный идеями сионизма Ицхак Кумер (в русск. переводе – Кумар, что неверно), совершает переезд из маленького городка Восточной Галиции в Страну Израиля. Журнал «*Ha-Mitspe*» был адресован тому же кругу читателей, что в свое время первый на иврите еженедельник «*Ha-Maggid*» (Лык – Берлин – Краков, 1856–91). А автором «*Shvilei olam*» («Тропы мира», ч. 1 – 1822, ч. 2 – 1827), первой на иврите книги по географии, написанной в духе научно-популярного издания, был еврейский просветитель из родной Агнону Галиции Шимшон Блох ха-Леви (1784–1845). Как видим, цитированный фрагмент романа представляет собой

⁸ Ш.И. Агнон. Tmol shilshom. Собр. соч. в 8 тт., т. 5. Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1974. С. 20 (иврит, далее: Tmol).

историческое описание места через дорогие автору реалии, но адекватное прочтение текста затруднено, как уже говорилось, отсутствием прописных букв и кавычек.⁹

Частным случаем реалий можно счесть народные обычаи и поверья, которыми так интересуются сегодня исследователи еврейского фольклора. В рассказе «Сказание о переписчике Торы» читаем:

Из года в год, возвращаясь из синагоги на Гошана Раба, Мирьям приносит домой ветку вербы. Сколько женщин, рожая, спасалось уже вербной водой. И только ей все еще не довелось прибегнуть к этой воде. А верба чахнет и вянет и листья один за другим облетают с нее, ложась в паутину, сплетенную пауком на амулете <...> который мама дала ей в день свадьбы, чтобы отгонять нечистую силу, затворяющую лоно. Амулет тот написан священными буквами, и сказано в нем на языке необрезанных: «як корова молода...» (Пер. С. Гойзмана. Агнон 2004, 55).

В этом отрывке Агнон оставил память сразу о двух обычаях так называемого народного иудаизма. Во-первых, о применении веток вербы, используемых в Суккот, для вспомоществования в родах, а во-вторых, об амулете, защищающем женщину от бесплодия. Напомню, что Гошана Раба, седьмой день Суккота, назывался «днем стряхивания листьев» с ветвей вербы (на иврите – *арав*) – *хибут аравот*. О том, как это происходило во времена Храма, можно прочесть в Мишне Сука, гл. 4, тогда как сегодня обходят с ветками вербы в руках вокруг свитка Торы, лежащего на особом столе в синагоге.

И еще пример народного поверья, упомянутого в романе «Гость на одну ночь»:

В этой реке [Стрипе] я купался, на ней зажигал первую свечку в ночь *слихот* – посветить душам утопленников, ведь если они встанут на покаянные молитвы, моя свеча позволит им видеть и уберечься от злых духов, жаждущих к ним прилепиться. (Ogeah, с. 384.)

Подобные фрагменты рассыпаны по всему творчеству Агнона, где речь идет о еврействе Восточной Галиции или о старом ишuve в Иерусалиме.

И еще отрывок из того же романа – описание соборного чтения Торы в будни, как оно проходило в Бучаче с цитацией соответствующих благословений:

⁹ В русском переводе Белицки, как уже сказано, достоверная история то и дело заменяется отсебятиной, как и в данном случае: «Поезд прибыл в Краков, город, в котором есть все. Есть там обсерватория, где наблюдают за движением звезд на небе, и есть там могила рабби Моше Иссерлеса (благословенна его память) и могилы других великих раввинов. Здесь учил Магид из Брод, и здесь же выстроили обсерваторию. А в воротах города высятся две огромные кости ужасного животного, о которых пишет известный путешественник, что не видел ничего подобного во всех странах мира» («Вчера-позавчера», с. 22-23).

Отмечу, что Магид из Брод, р. Шломо Клугер (1785–1869) у Агнона не упомянут, зато упомянуты журналы. А выпавший из перевода Блох владел немецким и писал свою географию на основе книг; он не был путешественником.

...мы каждодневно трижды собираемся на молитву, а во второй и пятый дни седмицы достаем из ковчега свитки Торы и читаем по ним недельный урок. Идет себе представитель общины к ковчегу, извлекает из-за притворов свиток, восходит с ним на помост под резным деревянным шатром и раскладывает свиток на высоком столе. «Пусть проявится и станет зримой Его царская власть над нами, и да помилует Он уцелевших из народа Своего, дома Израилева, проявив милость и любовь, снисходительность и благосклонность...», – произносит он и приступает к чтению. А прежде чем возвратить свиток в ковчег, он говорит: «Да будет на то воля Отца нашего небесного, чтобы восстановить Храм жизни нашей... сохранить среди нас мудрецов Израиля... чтобы ведать и слышать вести радостные и утешительные, долгожданную весть о спасении; и да соберет Он нас, рассеянных по миру, с четырех концов земли...» И просит представитель общины о всех наших братьях, сынах Израиля, «пребывающих в беде и в неволе, где бы они ни были – на море ли, на суше ли», просит, чтобы «Предвечный пожалел их и помиловал, вывел бы из теснин на волю и из тьмы к свету, и от порабощения избавил...» (Oreah nata lalun («Гость на одну ночь»), с. 129.)

Казалось бы, подобная практика не исчезла и после Холокоста, но Агнон писал прежде всего для израильтян и знал, что в синагогу они заходят нечасто. Он также мог помнить, что в уставе строительного товарищества «Ахузат байт» (1906), заложившего первые 66 домов будущего Тель-Авива, было записано, что в их сугубо еврейском квартале не будет синагог.

И в романе «Гость на одну ночь», и во многих рассказах и повестях Агнон обильно цитирует тексты молитв и благословений. Казалось бы, зачем? Ведь есть молитвенники. А дело в том, что при общности иудейского ритуала, в разных общинах возникли свои обычаи и формулировки, и Агнону как историку еврейской цивилизации все они казались достойными увековечения. Об этом он даже написал особый рассказ «И не оплошаем»¹⁰. Конфликт произведения в разногласии между двумя персонажами: автобиографическим рассказчиком, утверждающим, что в благословении после трапезы *Birkat ha-Mazon* есть слова «*ve-lo nikashel*» (и не оплошаем), и его родственницей из Германии, показывающей, что в самых разных молитвенниках это слово отсутствует. В какой-то момент рассказчику удается найти в Иерусалиме книжечку с тем самым текстом благословения, который был принят в его семье и куда входили слова «и не оплошаем». Он покупает ее и посылает девушке в Германию. Как выясняется в конце рассказа, скромная книжица решила судьбу девушки, не дала ей *оплошать*. Девушка отказала жениху-немцу, переехала в Израиль и тут вышла замуж за еврея – под хупой, по закону предков. Так, в рассказе, по жанру сходном с рождественской сказкой европейской литературы, Агнон закрепляет в нашей памяти почти забытую молитвенную формулу, ставшую, как и многие ритуалы, достоянием истории.

¹⁰ «*Ve-lo nikashel*», **Ha-Aretz**, 5.09.1937, также в: Собр. соч. в 8 тт., т. 2: *Elu ve-Elu* (Те и другие), 1974, 289-295.

А вот реалии иного толка. В рассказе «Песчаный холм» (Агнон 2014, с. 72-73) и в романе «Совсем недавно» (Вчера, с. 571-572) Агнон описал свою комнату в районе Неве-Цедек, Яффа, как обитель Хемдата, автобиографического персонажа. Интересно сравнить текст Агнона с воспоминанием художника Нахума Гутмана, у отца которого, писателя и педагога Симхи Бен-Циона, Агнон некогда работал секретарем. Мальчик Гутман любил проводить время у Агнона:

Комната Агнона, светлая, почти пустая, была разрисована нарциссами и гиацинтами в цветочных горшках. Когда годы спустя я по памяти рисовал ее <...> я изобразил выложенный плитками двор, вымытые до блеска начищенные медные тазы <...> Через много лет я прочел у Агнона описание этой комнаты. <...> Дом, где жил Агнон, существует и поныне. Неподалеку от железнодорожного моста. Но из окон уже не видно моря; его заслонили другие дома. Двор остался тем же. Жив и описанный Агноном эвкалипт. В сегодняшнем Тель-Авиве почти не осталось таких домов. Они еще попадаются в старых кварталах и ждут, пока их снесут. (Гутман 1990, с. 40-41).

Мемуары написаны в 1974-м, они подтверждают и дополняют картину, нарисованную Агноном в прозе. Но если в жизни облик места и интерьеры необратимо меняются, то в сочинениях Агнона они сохраняются навсегда.

3. Топография

Агнон запечатлел историю также в топографии, и этот аспект его творчества не остался незамеченным. В посвященном 70-летию писателя фestsрифте (1958) появилась статья дружившего с ним географа и библиофила Авраама Якова Бравера «О необходимости исторических и географических введений к произведениям Агнона». Она начиналась так:

Ш. Й. Агнон – великий поэт без рифм. Но не следует думать, что к его творчеству применима поговорка: «Лучшее в поэзии – обман». Напротив, большая и лучшая часть его произведений является достоверным описанием исторических и географических реалий (Brawer 1958, 35).

И далее автор пишет: «И география <...> его странствующих, кто пешком, а кто в поезде, <...> героев соответствует действительности, результат его изучения крупномасштабных карт, книг и заимствований у специалистов» (там же, с. 36). Уроженец Коломыи, жители которой до 1907 года «вместе с Бучачем выбирали общего представителя в парламент в Вене», Бравер подчеркивает, что после Холокоста, когда многие еврейские городки исчезли с лица земли, произведения Агнона хранят верную историческую память об их улицах и домах, о населявших их людях.

Приведу несколько примеров топографического описания. Роман «Гость на одну ночь» (*Oreah nata lalun*, 1939) родился под впечатлением трехнедельного пребывания в родном Бучаче летом 1930 года. Сопоставляя увиденное с тем, что

сохранила память, Агнон задержал в городе списанного с себя героя почти на год, чтобы дать развернутую картину места и в годы своего детства и юности, и в дни позднейшего визита. Об этом двойном зрении писатель сказал: «Не знаю, что следует за чем: предшествуют ли увиденному сохранившиеся в памяти картины или увиденное глазами пробуждает память? <...> И хотя я стоял перед нашим домом с открытыми глазами, я видел дом, каким он был в прошлом, когда я жил в нем с папой и мамой, братом и сестрами». (Oreah..., 1975, 385.)

Это совмещение разновременных образов города дано Агноном так:

От больших домов в два, три, четыре этажа остались лишь нижние помещения, да и те превратились в развалины. А от иных домов вообще ничего не осталось, кроме места, где они стояли. И королевский колодец, тот колодец, из которого пил польский король Собеский¹¹, когда побежденный возвращался с войны, – не избежал разрушения: ступени, ведущие к нему, разбиты, памятная доска растрескалась, буквы королевского имени, некогда золотые, потускнели, и красная, словно кровь, трава проросла на них, будто Ангел Смерти обтер о нее свой нож. Не стояли теперь у колодца парубки и молодницы, не слышно было ни смеха, ни пенья, колодец сиротливо изливал воду прямо на дорогу, как льют воду там, где лежит покойник. Все кругом изменилось. (Там же, с. 8.)

И еще фрагмент топографического описания, одного из многих, оставленных Агноном в помощь позднейшим историкам:

Повернул к левому берегу Стрипы, где стоял дом, в котором я жил в детстве <...> Улица, куда я направился, в прошлом была образцом покоя. В начале ее стояло здание почты, посередине располагалась гимназия, а в дальнем конце находился дом, где жили монахини, и в нем небольшая окруженная парком больница. Остальные строения были маленькими жилыми домиками и глядели на Стрипу, а против почты, в тени акаций стояло несколько зеленых скамеек. Там сиживали городские интеллектуалы, адепты Просвещения, читая принесенные с собою газеты. А по вечерам там до глубокой ночи гуляли юноши и девушки и часов не наблюдали.

Скамеек здесь больше не было, акации срубили, от домов почти ничего не осталось, а городские интеллектуалы, сторонники Просвещения, умерли. Что же осталось там от былого покоя, кроме невозмутимого течения Стрипы? <...> И коль скоро скамеек там не было, и сесть было негде, я пошел дальше, к дому, где жил в детстве.

Все дома стояли там некогда в один ряд, а этот будто отступил назад и стоял чуть в глубине улицы, так что к нему поднимались по каменным ступеням. Перед домом лежал большой камень, позади дома был садик и возвышалась как будто

¹¹ Ян III Собеский (Jan III Sobieski; 1624–1696), польский полководец, в 1674 был избран королем Польши. В 1665 польский король Ян Казимир назначил Собеского командующим польскими армиями, и Собеский отразил вторжение татар. В 1672 на Польшу напали турки и вынудили ее к подписанию 17 октября 1672 Бучачского мирного договора. Однако сейм не признал этого договора, возобновилась война, Собеский возглавил сопротивление и в ноябре 1673 разбил турок под Хотинном.

гора, а за нею кончался мир. <...> Мы жили на нижнем этаже, а домовладелец с сыном – в мансарде, превращаемой на праздник Суккот в кущу.

Я повернул назад, вышел на улицу и направился вдоль домов до самого конца. Миновав все дома и развалины, я подошел к обломкам монашеского дома. (Там же, с. 383-385)

Агнон обогащает читателя историческими сведениями также о городах и городках Германии, где ему случилось жить и бывать. Им обычно сопутствуют топографические описания, как в рассказе «Меж двумя городами»¹²:

Среди гор Нижней Франконии расположен городок Каценау. Его домики разбросаны меж садов и полей, холмов и ущелий, а жители – частью ремесленники и частью священники, учителя и чиновники, лесничие, охотники и скотоводы. А в самом городке, между зданием суда и зданием таможни есть улица, два ряда домов, один против другого, и в них – еврейские лавочки. Уже не одно поколение их трудится ради скромной прибыли, снабжая местных жителей всевозможными товарами. И теми, что надобны, и теми, что не надобны. Всевышний поделил мир по Своему усмотрению, этим дал поля и сады и Израиля, народа Своего, не обошел Своей милостью и справедливостью и дал евреям место среди иноплеменников, чтобы служить Ему и зарабатывать себе на пропитание <...> И евреи живут по чести и исполняют заповеди, как делали их отцы и праотцы, и не допытываются смысла заповедей... (Bein shtei 'arim, с. 78.)

Далее в рассказе Агнон сообщает нам, как евреи проводили там субботу, и как летом жители городка Каценау взяли за обыкновение посещать близлежащий одноименный курорт:

У этого маленького городка [Каценау] <...> есть брат-близнец, водный курорт Каценау, где бьют из земли целебные источники. Со всей страны приезжают туда пить воды и принимать ванны. Землевладельцы построили тут виллы, чтобы сдавать комнаты посетителям, и насадили парки, и создали павильоны для развлечения. Приходят сюда также жители городка Каценау, и фланируют на променаде, и слушают музыку. И когда старый г-н Гондерсхаймер и г-н Гидермайер, мясник, построили тут гостиницы, стали навещать курорт также евреи из Каценау-городка, чтобы поглядеть на своих собратьев-евреев. (Там же, с. 78-79.)

А в романе «Tmol shilshom» Агнон описывает кафе «Хермон» на ул. Бустарус в Неве-Шалом. Такой улицы в нынешнем Яффо нет. После провозглашения Государства она и ее продолжение, ул. Говарда, были переименованы в ул. Разиэля, проложенную вдоль исторического тракта из Яффы в Шхем и далее – на Дамаск. На этой улице, в частности, стояла гостиница «Палестина» Менахема

¹² «Bein shtei 'arim». Га-Арец, 4.06.1946; также в Соб. соч. в 8 тт., т. 6 «Samukh ve-Nir'e» («Близкое и видимое»), 78-91.

Мендла из Каменица, в которой в 1898 г. останавливался Герцль. Агнон, однако, об этом не пишет, зато подробно описывает посетителей кафе «Хермон» – писателей, сионистских деятелей, знаменитых жителей Яффы – и их беседы. Поименно названы уже упомянутый мной педагог и прозаик Симха Бен-Цион (в русском переводе ошибочно назван Шай Бен-Цион, с. 175, 178) и будущий мэтр Тель-Авива Меир Дизенгоф.

О том, какое значение придавал писатель точности своих топографических описаний можно судить по его письму от 1 сентября 1930 года своему патрону и благодетелю Шломо Залману Шокену, издателю всех его произведений:

В субботу я был в Бродах и обрадовался увидеть город, где проживал хасид реб Юдл, благословенна память о нем. Я ходил там, как у себя дома. Старожилы города сочли, что я родился в Бродах. Слава Богу, что я ни в чем не ошибся в своей истории» (S.Y. Agnon – S.Z. Shoken: halifat igrot (Агнон-Шокен: переписка). Иерусалим – Тель-Авив: Изд. Шокена, 1991. С. 262)

Речь идет о герое романа Агнона «Сретенье невесты», первого романа писателя, который в то время печатался в типографии Шокена в Лейпциге и в 1931 году увидел свет. Роман рассказывает «историю» нищего благочестивого хасида, жившего в Восточной Галиции в начале XIX века. В поисках приданого для своих трех дочерей, реб Юдл отправился в путь в бричке, и Агнон, работавший над книгой в Иерусалиме, обзавелся подробной австрийской картой местности еще до Первой мировой войны, поскольку должен был точно рассчитать маршрут реб Юдла и время, потребное ему для переезда из местечка в местечко.

4. Язык

Мне уже доводилось писать о том, что для Агнона иврит был прежде всего святым языком и языком почти неисчерпаемых еврейских письменных источников. Писатель посвятил своему отношению к ивриту рассказ «Чувствительность к запаху»¹³. Там Агнон пишет об ученых спорах по поводу употребленного им ранее глагола *leha'iaħ* в значении «источать запах», тогда как большинство лингвистов убеждали писателя, что этот глагол означает «обонять», т.е. «воспринимать запах». Агнон с большой долей пафоса и одновременно с иронией пишет в рассказе, как пытался найти подтверждение своему пониманию слова в книгах религиозного наследия и нашел их. Часть найденных примеров он цитирует со ссылкой на издание, в других случаях просто называет источник. Рассказ привлек внимание исследователей, и позднее выходили статьи с примерами из старых и новых книг, подтверждающими правоту Агнона (см. Bar-Adon 1977, 165-177).

В архиве Агнона в Национальной библиотеке в Иерусалиме среди разложенных им по папкам материалов хранится папка с надписью: «Вопросы языка» (*Inyanei ha-lashon*). Агнон сетовал на то, что вариативность форм одного и

¹³ «Hush ha-reah», Ha-Aretz, 14.05.1937; также в Соб. соч. в 8 тт., т. 2, 1974, 296-302.

того же глагола сильно затрудняет творчество на иврите, поскольку авторы прошлого пользовались разными формами, придавая им одно и то же значение (Спа'ани 1971, 33). Таким образом, ивритское слово или словосочетание виделось Агнону своего рода артефактом, бусиной, извлеченной из словесного ожерелья – сочинения редкого и не доступного широкой публике. Сохранение вариантов языковых высказываний для Агнона было эквивалентно увековечению памяти автора той книги, из которой он некогда выписал это высказывание в заветную тетрадь – на будущее.

Агнон не выделяет в тексте цитаты, и требуется особое чутье и, конечно, знание источников, чтобы за двумя-тремя словами распознать отсылку к другой книге. Я переводила рассказ Агнона «Врач и изгнанная им жена» и писала о возможном его прочтении на метафизическом уровне (Копельман 2013). Героиню зовут там Дина, и у нее «глубокой синевы» глаза – так я перевела сочетание *tkhelet shehoga*, буквально означающее «черная лазурь». А спустя время встретила эту «черную лазурь» в книге «Зоѓар», откуда узнала, что так обозначают Божию «меру Суда», и это знание важно для понимания угаданного мною по другим признакам мистического смысла рассказа.

Письмо Агнона эзотерическое, в его прозе мы соприкасаемся с пограничным миром и миром, параллельным тому, в котором живем. Представления об этих мирах – часть еврейской духовной истории, и избранные писателем слова служат в ней проводниками. Вот как сказал об этом Агнон в романе «*Tmol shilshom*»: «...считали их [Ицхака и Соню] как бы женихом и невестой. Правда, слова *жених и невеста* здесь не приняты, но Ицхак, который мыслит теми словами, какими пользовались его предки, находит в тех словах даже не один смысл» (*Tmol shilshom*, с. 139-140). И теми же словами мыслит писатель Агнон.

В заключение отмечу, что откровенно исторические пассажи в прозе Агнона, будь то история Яффы или история появления и жизни евреев в Польше, обычно мифологизированы и могут вызвать недоумение педантов. Рассказы о польском еврействе, сразу поданные автором как «предания» (*agadot*), впервые увидели свет в 1925 году и в поздней версии составили цикл «Польша» (*Polin*). И все же не следует пренебрегать этой хроникой, ведь еврейская традиция вся соткана из причудливого переплетения реальности и мифа, что и сформировало уникальную идентичность народа. Как справедливо заметила Паола Волкова о Мерлине, «был ли он или это некий собирательный мифологический персонаж, востребованный временем и культурой, неизвестно. Однако плотность литературного воплощения делает его фактом истории, и мы уже не можем расстаться с ним» (Волкова 2013, с. 22.).

Агнон ткал повествование из нитей национальных мифов и истории и так создал неповторимый нарратив, служащий сохранению еврейской исторической памяти. Поясню примером:

Яффа, красавица морей, город седой древности. Яфет [Иафет], сын Ноаха [Ноя], построил его и дал ему свое имя. Однако от всей красоты Яфета не осталось у города ничего, разве только то, что люди не в состоянии отнять у него, и город меняет свой облик в зависимости от природы своих обитателей. <...>

Как и все большие города, построенные в древние времена, видела Яффа много перемен. Многие народы воевали у его стен, одни разрушали город до основания, другие строили на его развалинах. Вначале владел им Египет, потом Ассирия и Вавилон. Жили здесь филистимляне, и многие другие народы гнездились внутри его стен, пока не забрал Господь, Благословен Он, город из их рук и не отдал его нам, потомкам Авраама, его любимца, потомкам Ицхака, единственного сына Авраама, потомкам Яакова, первенца Ицхака. К берегу Яффы доставлял древний Тир кедры на строительство дома для Бога нашего, что в Иерусалиме, и из Ливана в бухту Яффы прибывали кедры для строительства Второго Храма. Цари из династии Хасмонеев вели здесь войны, а в море выходили корабли с еврейскими героями на борту за добычей, дабы отнимать награбленное, когда напал на них преступный Рим. Но за великие грехи наши была отнята у нас Яффа, и римляне и византийцы разрушили его. Следом за ними пришли арабы, и за ними — франки, потом — египтяне и за ними — турки. Но хотя город был под властью чужеземцев, находили мы в нем убежище под сенью мусульман. И если не была Яффа частью Святой Земли, зато удостоилась чести стать воротами в Святую Землю, так как все, направляющиеся в Святой город Иерусалим, прибывают сперва в Яффу. А в будущем все серебро, и золото, и драгоценные камни, и жемчуг с кораблей, потерпевших крушение в Средиземном море, извергнет море в Яффе для праведников в мире ином. Поколение за поколением не была Яффа заселена евреями из-за древних запретов, не разрешавших евреям задерживаться в Яффе и селиться там. Потому что они хотели увеличить еврейское население Иерусалима и потому что они боялись рыцарей Мальты, совершавших разбойничьи налеты на города побережья. Когда был снят запрет и когда ослабела Мальта, снова стала Яффа городом Эрец Исраэль. (Вчера-позавчера, с. 130-131.)

Дальше автор переходит к описанию Яффы, какой застал ее в 1909 году. Еще один способ увековечить в национальной памяти историю места.

Закончу статью еще одной цитатой из книги искусствоведа Паолы Волковой: «Память историческая, память Вселенская, память Космическая; память прошлого, память своей семьи, память своей жизни. Памятей очень много, и все они нужны и важны. <...> И те избранники, и те счастливицы, кто пришел гением в этот мир, могут запечатлеть память человечества в своих произведениях. Мы считаем, что искусство – это есть запечатленная гением память человечества» (Волкова 2014, с. 96).

Искусство агноновской прозы стало хранителем исторической памяти. Оно побуждает к научному поиску и воссозданию облика ушедших эпох.

Список использованной литературы
Произведения Агнона на иврите

- Ad Olam – Sh. Y. Agnon. Ad Olam (Навсегда). Соб. соч. в 8 тт. Т. 8: Ha-Esh ve-ha-etsim («Огонь и дрова»). Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1974. С. 315-334.
- Bein shtei 'arim – Sh. Y. Agnon. Bein shtei 'arim (Меж двух городов). «Га-Арец», 4.06.1946. Цит. по: Соб. соч. в 8 тт., т. 6 «Samukh ve-Nir'e» («Близкое и видимое»), Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1974. С. 78-91.
- Ha-Siman – Sh. Y. Agnon. Ha-Siman (Помета). Moznaim, т. 18, 1944. С. 104.
- Hush ha-reah – Sh. Y. Agnon. Hush ha-reah (Чувствительность к запаху). «Га-Арец», 14.05.1937; Цит. по: Соб. соч. в 8 тт., т. 2, 1974, 296-302
- Oreah – Sh. Y. Agnon. Oreah nata lalun («Гость на одну ночь»). Соб. соч. в 8 тт. Т. 4. Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1976.
- Polin – Sh. Y. Agnon. Polin / Sipurei agadot (Польша / Предания). Соб. соч. в 8 тт. Т. 2: Elu ve-elu (Те и эти). Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1974. С. 390-402.
- Tmol – Sh. Y. Agnon. Tmol shilshom (Совсем недавно). Соб. соч. в 8 тт. Т. 5. Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1974.

Произведения Агнона в русских переводах

- Агнон 2004 – Ш.Й. Агнон. Новеллы. М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2004.
- Агнон 2013 – Ш.Й. Агнон. Врач и изгнанная им жена. Пер. с иврита З. Копельман // Иерусалимский журнал, № 47, 2013. С. 89-103.
- Агнон 2014 – Ш. Й. Агнон. Под знаком рыб. Пер. Р. Нудельмана и А. Фурман. М.: Текст, 2014.
- Вчера – Ш.Й. Агнон. Вчера-позавчера. Пер. с иврита Т. Белицки. М.: Текст, 2010.

Библиография

- Агнон 1991 – S.Y. Agnon – S.Z. Shoken: halifat igrot (Агнон-Шокен: переписка). Иерусалим – Тель-Авив: Изд. Шокена, 1991.
- Bar-Adon 1977 – A. Bar-Adon. Sh.Y. Agnon ve-tehiyat ha-lashon ha-ivrit (Ш.Й. Агнон и возрождение языка иврит). Иерусалим: Мосад Бялик, 1977.
- Brawer 1958 – A.J. Brawer. Al ha-tsorekh be-muvaot historiim ve-geografiim le-kitvei Agnon (О необходимости исторических и географических введений к произведениям Агнона). In: Yovel Shai (Дар к юбилею). Ред. Б. Курцвайль. Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 1958. С. 35-38.
- Сна'ani 1971 – David. Сна'ani. Sh.Y. Agnon be-'al pe (Беседы с Агноном). Hakibbutz Nameuhad Publishing House, 1971.

- Волкова 2014 – П. Волкова. Мост через бездну. Кн. 3. М.: Зебра Е, 2014.
- Гутман 1990 – Н. Гутман, Э. Бен-Эзер. Меж песками и небесной синью. Пер. с иврита Н. Радовской. Иерусалим: Библиотека–Алия, 1990.

Копельман 2011 – З. Копельман. Загадка четырех вопросов (Стиль Агнона и муки переводчика) // Лехаим, № 2 (февраль) 2011.

Копельман 2013 – З. Копельман. Есть место оптимизму (послесловие к рассказу Агнона «Врач и изгнанная им жена») // Иерусалимский журнал, № 47, 2013. С. 104-110.

Опубликовано в:

Цайтшрифт, журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии. Том 10 (5). Минск-Вильнюс, 2016. С. 8-27.